

14.03.19

ЧТО МЕШАЕТ МОСКВЕ СДВИНУТЬ С МЕРТВОЙ ТОЧКИ ПРОЦЕСС УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА В СИРИИ?

Восемь лет назад, в феврале-марте 2011 года, в Сирии начались протесты, переросшие в гражданскую войну. С самого начала конфликта Россия оказывает Дамаску политическую, дипломатическую и экономическую помощь, а с сентября 2015 -го еще и военную.

За последние три года Москве многого удалось добиться в Сирии во всех отношениях, однако, самое трудное еще впереди – переход от военной стадии конфликта к политическому урегулированию и конвертация военных побед в политические. Даже Астанинский формат – Россия, Иран, Турция – начинает пробуксовывать и его участникам становится все сложнее согласовывать важные решения.

На прошедшем в середине февраля в Сочи саммите этой “тройки”, по сути, не удалось прийти к каким-либо четким решениям и договоренностям. Даже наоборот – стали более заметны трудности, с которыми сталкиваются Иран, Россия, Турция, в процессе поиска компромиссов по Сирии.

Можно выделить несколько факторов, которые будут определять ход развития событий в Сирии в ближайшие месяцы.

Первый – российско-турецкая договоренность по провинции Идлиб, заключенная в сентябре 2018 года. В соответствии с этим соглашением Анкара обязывалась отделить умеренную оппозицию от радикальных групп и террористов, уничтожив последних, а также не допустить атак со стороны Идлиба на подконтрольные Дамаску территории. Но за прошедшее время ситуация лишь ухудшилась. Почти вся провинция перешла под контроль боевиков коалиции группировок Хаят Тахрир аш-Шам (ХТШ), связанных

с Аль-Каидой (запрещена в РФ). Поддерживаемые Турцией оппозиционные группы, такие как Национальный Фронт Освобождения, включающий в себя части Свободной Сирийской Армии, были побеждены. Остальные вооруженные группировки – Ахрар аш-Шам, Сукур аш-Шам, Нур ад-Дин аз-Зинки и т.д. – также были разбиты и поглощены ХТШ или же вынуждены переместиться в северо-восточные области провинции Алеппо, контролируемые турецкими военными.

Фактическое невыполнение условий соглашения осложняет переговоры России и Турции. Хотя Москва и подчеркивает, что соглашение по Идлибу действует, она постоянно напоминает, что его выполнению мешает укрепление позиций террористов в провинции. Вместе с тем российское руководство неоднократно утверждало, что соглашение по Идлибу – лишь временная мера и в итоге провинция все равно должна перейти под контроль Дамаска. Пресс-секретарь Путина и дипломат-тюрколог Дмитрий Песков после саммита в Сочи сказал, что никто не спорит с тем, что в Идлибе необходимо провести военную операцию и остается лишь решить, кто ее проведет.

Таким образом, зачистка Идлиба – лишь вопрос времени, и от того, когда и в каком формате она произойдет будет зависеть судьба сирийских курдов и территорий к востоку от Евфрата.

В тоже время, не стоит преувеличивать важность Идлиба для Анкары. Приоритетом для Турции всегда был курдский вопрос и проблема 3,5 млн сирийских беженцев, осевших на ее территории. Излишняя жесткость Анкары при обсуждении ситуации в Идлибе может привести к ухудшению отношений с Россией. Кроме того усмирение террористов, если турки решат делать это самостоятельно, потребует дополнительных военных и финансовых ресурсов. В этой связи можно ожидать размена между Россией и Турцией: Анкара не препятствует зачистке Идлиба, а Москва за это помогает ей «уладить» курдскую проблему и создать буферную зону вдоль сирийско-турецкой границы для возвращения беженцев, с возможным совместным военным контролем, подразумевающим размещение российской военной полиции.

Второй фактор – вывод американских войск из Сирии. Соответствующее решение, озвученное Дональдом Трампом в декабре, внесло еще большую неопределенность в сирийский конфликт и создало более сложную операционную реальность как для России, так и для ее партнеров – Турции и Ирана. Во-первых, до сих пор не ясно, когда США уйдут из Сирии и произойдет ли это вообще. Во-вторых, даже если это случится, будет ли это полный или частичный вывод, продолжат ли американцы помогать курдам и договорятся ли с Турцией?

Такая неопределенность особенно затрагивает Турцию и Россию. Для Анкары курдская проблема – это, прежде всего, проблема национальной безопасности и борьбы с терроризмом, а контроль над 450-километровой границей с Сирией к востоку от Евфрата и установление «буферной зоны» – вопрос расширения своего влияния и решения проблемы сирийских беженцев в Турции.

Для России важно, чтобы территории, сегодня контролируемые протекте Вашингтона – курдами и Сирийскими демократическими силами (СДС), перешли под контроль Дамаска. Здесь Москва добивается определенного компромисса и с Турцией, и с сирийским правительством, и с США, и с курдами.

Пока похоже, что Москва не возражает против проведения Турцией военных операций в Сирии, но только в рамках Аданского соглашения, подписанного Дамаском и Анкарой в 1998 году. Россия представляет это соглашение как основу для дальнейшего обсуждения ими модальностей турецких военных действий в Сирии и их правомерности. Более того, косвенно Москва добивается признания Анкарой законности режима Асада. Ведь если Турция согласится действовать на основе существующего соглашения она де-факто признает легитимность президента Асада.

Для того, чтобы вернуть всю территорию Сирии под контроль Дамаска необходимо, чтобы, во-первых, США все-таки вывели войска; во-вторых, чтобы курды договорились с Дамаском об условиях вхождения под его контроль; в-третьих, чтобы Москва договорилась с Анкарой о курдах и о буферной зоне на сирийско-турецкой границе; в-четвертых, Россия должна договориться с США о параметрах присутствия и влияния Ирана в северо-восточных и восточных районах Сирии.

Ни одно из этих условий не выполнено. Американцы, несмотря на решение вывести войска, заявляют, что не оставят курдов без поддержки, а Иран «без присмотра». Переговоры между курдами и Дамаском идут, но итогового решения нет и не будет, пока не прояснится ситуация с США и их присутствием. То же самое в переговорах между Россией и Турцией.

Вместе с тем, всем вовлеченным сторонам очевидно, что соглашение по районам, которые контролируют курды крайне необходимо. Главный вопрос, когда и какого рода соглашение Москва, Анкара, Дамаск, Тегеран и Вашингтон смогут заключить о будущем северо-востока Сирии.

Третий фактор – неспособность тройки (Москва-Астана-Тегеран), ООН и Дамаска запустить конституционный комитет, который должен активизировать политический процесс. Дедлайном была названа середина декабря прошлого года. Этот срок уже миновал, а комитет так и не заработал. И без того непростой диалог Дамаска и оппозиции сейчас осложнился проблемами в отношениях ее главных спонсоров – Турции и Саудовской Аравии. Свою роль в этом сыграло убийство на территории саудовского консульства в Стамбуле журналиста Джамала Хашогги, а так же то, что Эр-Рияд не хочет усиления влияния Анкары в регионе после ухода американцев.

Хотя противоречия, существующие в отношениях Турции и Саудовской Аравии не столь сильны, чтобы привести к открытому конфликту, они плохо сказываются на политическом урегулировании в Сирии. Анкара и Эр-Рияд поддерживают, в том числе финансово, разные группы сирийской оппозиции, чьи трения усилятся на фоне разногласия спонсоров.

Резюмируя, можно сказать, что России и ее региональным партнерам остается ждать, какие шаги в итоге предпримут США, одновременно пытаясь договариваться друг с другом.

Оригинальная публикация profile.ru

Источник: [Что мешает Москве сдвинуть с мертвой точки процесс урегулирования конфликта в Сирии?](#)

ОБ АВТОРЕ

Алексей Хлебников

Эксперт

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: Ближний Восток

Область экспертизы: Эксперт по Ближнему Востоку и внешней политике России

Профессиональный опыт: Эксперт по Ближнему Востоку Российского совета по международным делам, стратегический советник международной независимой гуманитарной медицинской организации «Врачи без границ». С 2016 по 2017 г. – консультант Государственной Думы Российской Федерации. С 2014 по 2017 г. – старший редактор аналитического издания Russia Direct. С 2011 по 2012 г. – сотрудник аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском Федеральном округе. Был приглашенным исследователем в Университете Джонса Хопкинса, Центральном Европейском Университете, Центре ближневосточных и африканских исследований им. Моше Даяна.

